

Ана Мария Портнова

СОЛНЫШКО

Ана Мария Портнова

Солнышко. Три новеллы

о женских сердцах

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=61144443

Солнышко. Три новеллы о женских сердцах: Книга-Сефер; Израиль;

2020

ISBN 978-965-7288-50-1

Аннотация

О первой книге Аны Марии Портновой, критик написал так «Все, что здесь написано, возможно, не претендует на Гонкуровскую премию и скорее всего, не станет классикой, но то, что это выношено и выстрадано – это факт. Автор подкупает какой-то тяжеловесной простотой: читать легко, а мысль будоражит. Определенно не советую читать людям умиротворенным и равнодушным. От души советую автору, если эти рассказы прочтут и признают 10 читателей, продолжать вбрасывать в нас свою любовь и доброту». Прошел год. Рассказы Аны прочитали и признали и 10 и 20 и сотни читателей в России, Израиле и других странах. И вот новая книга автора – «Солнышко». Новеллы о женских сердцах. Новые рассказы не разочаруют читателя. Книга издается в авторской редакции.

Содержание

Солнышко	5
1	5
2	16
3	31
4	40
5	46
6	51
7	57
8	69
9	75
10	79
11	82
Конец ознакомительного фрагмента.	85

Ана-Мария Портнова

Солнышко. Три новеллы

о женских сердцах

*Благодарю Л.Я. Дединского, моего самого
строгого цензора, за помощь в написании книги*

Издательство Книга Сефер

+(972)50-242-3452

<https://www.kniga-sefer.com/>

<https://www.facebook.com/KnigaSefer>

book@kniga-sefer.com

kniga@kniga-sefer.com

© Ана-Мария Портнова, 2019

Солнышко

«Нам не повезло с нашими детьми, они выросли».
(Кристофер Морли, американский журналист)

1

– Давай, давай, Яна, – восторженно хлопала в ладоши девочка.

Несколько человек, прогуливавшихся по парку, остановились и засмотрелись на женщину, которая прыгала со скакалкой перед сидящими на скамейке смеющейся девочкой и смущенным мужчиной и тоже поддерживали Шемеш:

– Молодец! Здорово!

Вошедшая в роль Яна, задыхаясь, в такт прыжкам, выдыхала:

– Ой-я-боль-ше-не-мо-гу-я-сей-час-у-па-ду! – а девочка смеялась ещё звонче и подбадривала:

– Можешь, можешь! Молодец!

Мужчина, слишком серьёзный для такого зрелища, смущённо пробормотал:

– Да ладно, хватит уже.

Когда женщина, наконец, остановилась в изнеможении, среди людей, наблюдавших за этой сценой, раздались апло-

дисменты. Шемеш в восхищении обняла Яну, и кто-то из зрителей сказал:

– Какая весёлая у тебя мама!

Но Яна не была мамой Шемеш, она была подругой её папы. Впрочем, не удивительно, что их приняли за маму и дочь. При беглом взгляде они были похожи: обе маленького росточка, обе пухленькие, жизнерадостные, только у девочки были медно-рыжие волнистые и тяжелые волосы до плеч и зелёные глаза, а у женщины курчавые иссиня-чёрные волосы были коротко подстрижены и глаза были синие.

Когда Яна присела на скамейку, а Шемеш, воодушевленная её примером, отошла прыгать со скакалкой чуть подальше, Дима вполголоса сказал:

– Несерьёзно как-то. Взрослая женщина всё-таки. Люди смеялись. Стыдно.

– Стыдно? – опешила Яна от неожиданной реакции, – но, во-первых, твой ребенок смеялся и это должно волновать тебя больше, чем мнение окружающих, а во-вторых, окружающие не смеялись, а восхищались.

– Это было неуместно, – настаивал Дима, – ты уже вышла из этого возраста.

– Спасибо, что напомнил, а то благодаря твоей дочке я скинула лет двадцать, – ответила Яна, уже начиная понимать, что этому сухарю ничего не докажешь.

– Я же не сказал, что ты старуха. Я имел в виду, что...

– Хватит, Дима, не усугубляй. Я помню, сколько мне лет и

знаю, как должна вести себя приличная в твоём понимании женщина, но если мне ещё представится случай почувствовать себя так, как я чувствовала себя 10 минут назад, я это повторю. Особенно, если это рассмешит Шемеш.

– Яна, Яна, смотги, у меня получается!

Женщина с удовольствием и облегчением встала со скамейки и подошла к разгоряченной девочке.

– Здóрово, Рыжик! Сколько раз ты прыгнула?

– Двадцать!

– Ух ты! Умничка! Теперь надо медленно походить, резко останавливаться нельзя, и водички попить.

– А почему нельзя гезко останавливаться? Я бы сейчас на тгавке полежала.

– Ты видела, что происходит с людьми в автобусе, когда он резко останавливается?

– Они падают.

– Правильно. Когда-нибудь будешь учить по физике про силу инерции, тогда поймешь лучше. Разве на танцах вас не учили, что после тренировки надо медленно походить?

– Да, но я не знала, почему. Давай пгойдем кгуг по пагку.

– А папа не обидится? – спросила Яна и оглянулась на скамейку, где они оставили отца.

Она напрасно волновалась. Дима курил, задумчиво глядя совершенно в другую сторону. Уже не в первый раз обида кольнула Яну в сердце, как будто она действительно мама этой славной девчурки. Наряду с обидой, каждый раз,

наталкиваясь на его отстраненность и ненужную, занудную строгость, она испытывала и недоумение. Ведь Шемеш была поздним и долгожданным ребенком, ей было всего 8 лет. Он говорил о ней часами. Первое время почти всё их общение состояло из рассказов Димы о дочке. Надо отдать должное, что хоть он и заливался, как соловей, но никогда не забывал спросить у Яны, была ли у неё подобная ситуация с её дочерью и как Яна себя в ней вела. Дима непрерывно сравнивал с Яной свою бывшую жену не в пользу того, как она воспитывала Шемеш. Яна при этом испытывала смешанные чувства. С одной стороны, похвала всегда льстит, но то, что он обсуждает с ней мать своей дочери, было неприятно и вызывало внутренний протест.

Детство своей Даны она вспоминала с удовольствием и светлой грустью. Она могла гордиться собой: до приезда в Израиль Яна отдавала девочке всё свободное время. В годик Дана серьёзно заболела и когда пришло время записывать её в ясли, участковый педиатр сказала:

– Выбирайте: либо работа, либо ребёнок. Её иммунитет яслей не выдержит.

Выбирать не приходилось. Напуганные горьким опытом, потеряв первого ребенка, они с мужем решили, что Яна возьмет отпуск на год за свой счет. Жили они тогда в двухкомнатной квартире вместе с родителями Яны. Безусловно, бабушка с дедушкой обожали Дану, но согласованности в их действиях не было как во время детства дочери, так и в пору

детства внучки. И даже не то страшно, что каждый вёл себя по-своему, потому что действия каждого были полезны малышке. Беда была в том, что каждый считал действия другого совершенно неправильным и по этому поводу они беспрерывно ссорились друг с другом, причём часто при девочке. Дедушка любил рассказывать сказки и истории, но делал это лишь тогда, когда хотел сам, порой вторгаясь в игру или разговор мамы с дочкой, но подходило время новостной передачи, и дедушка тут же прекращал рассказ, отсылая плачущую Дану к маме.

Бабушка не умела ни рассказать, ни научить чему-то, но обожала вкусно накормить и побаловать внучку, чем стремительно превращала её в маленького деспота по отношению к себе же самой. Бывало, посадит дедушка внучку к себе на колени и начнет самозабвенно что-нибудь эдакое не по возрасту умное рассказывать (казалось, что он своим рассказом восторгается больше, чем ребенок), а тут бабушка заходит из кухни:

– На черта ты ребёнку голову ерундой забиваешь? Ей кушать пора! – и тут же елейным голосочком: «Пошли, манюнечка, бабушка тебе свежий супчик сварила».

Яна нуждалась в помощи родителей, поэтому некоторое время вынуждена была относиться к этому терпеливо. От мужа помощи ждать не приходилось. Из-за того, что Яна взяла отпуск за свой счет, он должен был работать больше и очень уставал. Со временем, когда малышка стала меньше

болеть, появилась возможность организовать свой день так, чтобы справляться самой и с хозяйством, и с ребёнком и Яна изолировала девочку от разрывающей любви бабушки и дедушки. Они много гуляли в парке, наблюдали за птицами, деревьями или, в теплую погоду ложась на траву, рассматривали копошащихся в ней букашек. Яна не относилась к дочке, как к живой кукле, не наряжала её на прогулку в рюши и бантики, запрещая ко всему прикасаться, чтобы не испачкаться. Дане на детской площадке разрешалось всё: кататься на скрипучих качелях, съезжать с поржавевшей в некоторых местах горки, залезать на лесенки. Ей можно было пачкаться в песочнице, рвать колготки, ползая на четвереньках и висеть на перекладине вниз головой, но мама не сводила с неё глаз ни на минуту. Потом они возвращались домой, Яна купала малышку, кормила и укладывала спать. Если же погода не позволяла выходить на улицу, они творили и вытворяли. У Даны рано обнаружился талант художника, и Яна всеми способами старалась его развивать: объясняла азы композиции самых простых рисунков, варианты смешивания и сочетания цветов, способы рисования карандашами и красками. Хорошим примером было множество книг с иллюстрациями известных художников, которые Яна покупала, когда её кроха была ещё в колыбельке. Они лепили зверушек из пластилина, вырезали аппликации и очень много разговаривали. Детство дочери было, пожалуй, самым счастливым периодом в жизни Яны. Потом переезд в Израиль совпал с воз-

растом, который на иврите называется (противный возраст) или (что-то типа «дурнадцать») и счастье закончилось. Знакомство с Шемеш чудесным образом продолжило это счастье, ведь сейчас девочка была в том возрасте, в котором Дана была ещё близка с матерью.

Вскоре после того, как Яна начала встречаться с Димой, она довольно быстро поняла, что в его желании познакомиться свою новую подругу с дочерью было и отцовское тщеславие, и самый банальный расчет. Он не просчитался: не полюбить Шемеш было невозможно. Хотя внешне она была совсем не похожа на Дану, но характером очень напоминала её: такая же хохотушка, ласковая, задающая массу вопросов и умеющая выслушивать ответ, смешно путающая слова (у Даны это было возрастное, а у Шемеш связано с тем, что она больше говорила на иврите).

Прошлый раз, когда они взяли Шемеш гулять в парке, они подошли к лотку и папа сказал дочке, чтобы она выбрала себе мороженое. Обычно девочка выбирала какой-нибудь «артик» за 3 шекеля, но в этот раз ей на глаза попалось мороженое в шоколадной глазури.

– Сколько? – спросил Дима продавщицу.

– 12 шекелей.

Диму перекосило. Выражение любящего папы тут же сошло с его лица, глаза стали злыми, губы сжались, заходили желваки. Он вынул из кармана жменю мелочи и начал выбирать монетки с ладони. К этому моменту Шемеш уже разо-

рвала обертку и вынула какой-то сюрприз в виде картонной собачки, завернутый в прозрачный маленький пакетик.

– Папа, смотги, тут ещё и подагочек! – радостно обратилась она к отцу.

– Ещё бы, – раздраженно буркнул Дима, – за 12 шекелей можно было и больше положить. Что-то ты сегодня дорогое мороженое выбрала, доча.

У бедной девочки быстро заморгали глазки. Яна поспешно взяла её за руку и задорно воскликнула:

– Зато мороженое вкусное! Правда, Рыжик? И вообще, у нас выходной – гулять, так гулять!

– Эк! – передернул плечами Дима.

Этот странный звук, который Яна про себя называла кряканьем, он издавал обычно, когда ему нечего было сказать. У Яны всё внутри kloкотало от злости, но она должна была владеть собой, чтобы поддержать девочку. Немного прогулявшись по тропинкам парка, они сели на скамейку. Шемеш села посередине, Яна продолжала держать её за руку, сев с одной стороны, а надутый Дима сел с другой, чуть поодаль от дочки. Девочка, видимо, чувствовала себя виноватой и искала, как втянуть расстроенного отца в беседу.

– Папа, а знаешь, что мне сегодня спáлось?

– Не спáлось, а снилось. Книг не читаешь, поэтому неправильно говоришь.

Яна снова ощутила ярость, которую Дима заметил во взгляде её темно-синих глаз.

– Ну что? Что? – раздраженно спросил он.

– Позже объясню, – сквозь зубы ответила Яна и с улыбкой обратилась к Шемеш:

– Так что тебе снилось, Рыжуля?

– Я видела войну, и я была там תלית и вокруг стгеляли.

Мне было стгашно и жалко тех, кого убили.

Яна приобняла девочку, поцеловала в душистую макушку и сказала:

– Это просто сон, моя хорошая. Наверно, мама вечером слушала новости про войну, поэтому тебе и приснилось. Не бойся.

Ближе к обеду Шемеш надо было отводить домой. Яна подождала Диму на скамейке, пока он зашел с девочкой в квартиру. Некоторое время мужчина и женщина шли молча. Это молчание было для Яны, как зажженный бикфордов шнур, но она не могла взорваться на пустом месте. Повод тут же подал Дима, начав было жаловаться на то, что приготовила бывшая жена для девочки.

– Скажи, сколько в этом обеде твоих денег?

– Причём тут это?

– Притом, что ты палец о палец не ударил для того, чтобы у них был лучший обед!

– У меня нет денег, я потерял работу. Я Рае сказал, что буду давать деньги, когда смогу.

– Вот как! А ей надо содержать и себя, и девочку на одну зарплату, не надеясь на твои жалкие подачки! Ах, как же мы

любим свою доченьку! Как нам позарез надо с ней общаться! А 12 шекелей на мороженое поперек горла встали! На сигареты не хватит?

– Я ищу работу, – огрызнулся Дима.

– Три месяца уже ищешь! Три прекрасных возможности упустил.

– Там ко мне неуважительно отнеслись, я же тебе рассказывал.

– Фу ты, ну ты! А за что тебя уважать? За то, что ты с первого дня куришь больше, чем работаешь? Копейками в карманах звенишь, а туда же: уважение! Заплати уважением за танцы своей дочери, купи ей хорошие продукты. Книжка она, видишь ли, не читает! Сам-то за 15 лет сколько слов на иврите выучил?

– Почему я должен учить иврит? – возмутился Дима.

– Да ты никому ничего не должен. Не удивляйся, если через год-два совсем потеряешь связь с дочерью.

– Ошибаешься, бабушка и дедушка с ней тоже по-русски разговаривают.

– Они не вечны. Девочка родилась здесь, в садике говорила на иврите, в школе говорит на иврите, на танцах говорит на иврите, а ты если не говорить, то хоть бы понимать язык научился! Одни только претензии ко всем, большой бугор на маленькой полянке!

– Чего ты вдруг разбушевалась?

– Да не вдруг, – уже намного спокойнее ответила Яна, вы-

плеснув накопившийся гнев, – знаешь, ты пожалуйста, не провожай меня, возвращайся домой. Я вчера не всё успела по хозяйству сделать.

– Я тебе помогу, потом вместе поужинаем.

«О, да! – подумала Яна, – на счет помощи очень сомневаюсь, а вот на счет поужинать вместе – это у тебя всегда пожалуйста», а вслух ответила:

– Спасибо, я сама приготовлю, а поужинаю с Да-ной, она вчера звонила, сказала, что, возможно, заскочит вечером.

– Эк! – недовольно ответил Дима. – Только сейчас ты мне об этом сообщаем.

– Ты прав, когда я встречаюсь с Шемеш, я забываю обо всем.

Ответ Яны был и абсолютно искренен, и частично лицемерен. Отчитав Диму, она не хотела с ним ссориться, поэтому надо было закончить разговор мягко. С момента знакомства с девочкой Яна вынуждена была балансировать между любовью к ней и раздражением по отношению к её отцу, которое с каждым днем всё нарастало.

2

Впервые они столкнулись с Димой на пляже. Яна обычно брала с собой книгу, тетрадь и ручку. Море действовало на неё по-разному: порой оно помогало ей расслабиться настолько, что она могла часами не думать совершенно ни о чем, а порой оно помогало ей сосредоточиться на чём-то конкретном. И вот в одно такое майское утро Яна всласть наплавалась и отдохнула, лёжа на спине на почти неосязаемых волнах, вышла на берег, удобно уселась лицом к восходящему солнцу и взялась за любимое занятие. Вначале недели она получила письмо от сестры, но ответить не было времени и она отложила это на выходной. Пока Яна плавала, выше от её подстилки расположилась пожилая пара, а с другой стороны – седой мужчина. Она бы не заметила их, если бы лежала в полосе платных шезлонгов, но она не любила большого скопления народа и облюбовала себе небольшую горку рядом с кафе, которое никогда не соревновалось с другими подобными заведениями в громкой музыке типа «умца-умца». Обычно на этой горке никто кроме неё не лежал. И вот, только лишь мысль начала ровно ложиться на бумагу, как ручка перестала писать. Яна раскрутила её, увидела, что стержень пуст и зло швырнула в урну, стоявшую в трех шагах от неё. Затем тщетно проверила все кармашки своего рюкзака, как сбоку услышала:

– Вот, возьмите, – протягивал ей ручку седой мужчина, расположившийся неподалеку.

– Ой, спасибо большое, а то я запасную не взяла. Теперь я быстро допишу.

– Да не спешите. Я только что пришел. Пойду, поплаваю. К тому времени, как мужчина вернулся (море сегодня было прекрасное, выходить не хотелось), Яна уже перечитывала законченное письмо.

– Дописали?

– Да. Большое вам спасибо! – протянула она ручку, – до рога ложка к обеду.

– Оставьте ложку себе, вдруг снова кушать захочется. Я рад, что смог вам помочь. А что вы писали, если не секрет?

«Та-ак, начинается», – подумала Яна и торопливо ответила:

– Письмо. Пойду теперь и я поплаваю, – и быстро пошла к морю.

Людей к этому времени прибавилось, и подавляющее большинство подолгу стояло на одном месте, собравшись по несколько человек. Яна про себя называла их «поплавками» и удивлялась их неподвижности. Из-за них плавание превращалось в слалом, она то и дело натыкалась на кого-нибудь, удовольствие было испорчено. Кроме всего, раздражение нарастало ещё и оттого, что она была уверена, что седой мужчина не намерен долго оставаться незнакомцем, а к пляжным знакомствам она относилась с большим предубеждением.

ем. Выйдя на берег, Яна ополоснулась под душем и, подойдя к своей подстилке, укуталась в полотенце.

– Вы так стремительно ушли? Вас обидел мой вопрос?

– Ничего обидного вы мне не сказали, но должна вас сразу предупредить: я прихожу на море одна и ухожу одна. Это мой принцип и мое удовольствие.

– То есть у меня никаких шансов?

– Никаких.

– Даже узнать имя?

– Это совершенно незачем, – холодно отрезала Яна.

Во время этого короткого разговора она начала собирать вещи в рюкзак и сказала напоследок:

– А за ручку ещё раз спасибо! Приятного отдыха! – и быстро пошла в сторону раздевалки, довольная собой. Но что это за мужчина, если он так легко откажется от понравившейся ему женщины, тем более что у этого мужчины были не только романтические намерения. Пока Яна смывала под краном песок с ног, наш охотник быстро запихнул полотенце и подстилку в сумку и поднялся на набережную по лестнице, которая находилась слева от центральной. Наверху он торопливо оделся, нахлобучил поглубже бейсболку и надел темные очки, не спуская глаз с Яны. Он видел, как женщина зашла в раздевалку (эх, жаль, она была под навесом!), затем вышла уже в бриджах и короткой футболке, присела на скамейку, сложила мокрый купальник и полотенце в полиэтиленовый пакет, застегнула на затылке солнцезащит-

ный козырек, надела темные очки и стала подниматься по центральной лестнице. Она вышла на набережную, мужчина перешел на противоположную сторону улицы и пошёл за ней следом. Возможность, что она сядет в автобус, исключалась – была суббота. Разве что, она могла свернуть на одну из боковых улочек и тогда слежка бы осложнилась, но пока что женщина неспешно шла вперед. Она шла и чувствовала очень неприятную энергию со спины. Мужчина видел, как она присела на автобусной остановке, попила воду из бутылки, оглянулась по сторонам и продолжила путь. Вполне возможно, что её взгляд и скользнул по нашему шпиону, но, во-первых, мимо него в разных направлениях проходили люди и проезжали машины, а во-вторых, очень трудно узнать в полностью одетом мужчине того, кого ты видела мельком на пляже в купальных плавках. Следить за Яной было нетрудно: футболка, рюкзак и шлепанцы были видны издали из-за их ярко-жёлтого цвета. Шла она всё время вперёд по широкой извивающейся улице. Ощущение сверлящего взгляда не проходило и она объяснила его своей раздражительностью и опасением, что мужчина проявит навязчивость.

Яна вошла в дом и через несколько минут в окне 4-го этажа раздвинулись жалюзи, и женщина в жёлтой футболке стала поливать розовую герань. Когда она закрыла жалюзи, наш Шерлок Холмс подошёл к дому и поднялся на первый этаж. Осмотрев расположение квартир, он определил, в которой из них живет незнакомка. На этом слежка закончилась. Те-

перь надо было действовать. Назавтра он купил в супермаркете букет мелких разноцветных роз и расположился на скамейке рядом с соседним домом. Ждал он ровно час, курил, нервничал и оглядывался по сторонам, потому что не знал, откуда она может появиться. Но в этот день она не пришла. Так продолжилось и на следующий день. На третий вечер его сердце ёкнуло: он, наконец, увидел Яну, но она шла и разговаривала с девушкой. Дима чертыхнулся, бросил и затоптал окурок, зло швырнул уже несвежий букет в урну, и ушел домой, решив оставить эту затею. У него были дела поважнее.

В суматохе будничных дней Яна забыла о мужчине, пытавшемся с ней познакомиться, но подошли выходные и она растерялась: «Что же это, я теперь на своем месте отдыхать не смогу? А вдруг он снова туда придет?» Ей было стыдно перед самой собой за эту трусость, которая напоминала женскую боязнь тараканов: понимаешь, что он тебе ничего не сделает, но от одного вида охватывает ужас. Яна шла, спорила сама с собой и никак не могла решить, расположиться ей на своем любимом месте или подобрать другое, чтобы снова не столкнуться с тем мужчиной. Лишь на подходе к набережной она решила, что не будет изменять своим привычкам, потому что от неё самой зависит исход ситуации. Она внутренне собралась и стала спускаться по лестнице на пляж и тут с облегчением вздохнула: её горка была занята группой пенсионеров. Женщина прекрасно понимала, что это самообман, но была рада, как бывает рад чело-

век, боящийся стоматологов, который наконец решился пойти к врачу, но у того был выходной. Яна разулась и пошла по кромке прибоя, присматривая на берегу подходящее место. В итоге она нашла его довольно далеко от своего привычного, и море тут было очень мелкое, но она предпочла ходить чуть дальше, туда, где можно поплавать, чем лежать среди семей с резвящимися детьми или брюзжащими об израильской жизни пенсионерами. Яна расстелила покрывало, положила по углам сумку, полотенце и шлепанцы, чтобы его не сносило ветром, закрыла уши силиконовыми берушами и пошла в море. Сегодня погода была ветреная, волны набегали неритмично. Яна несколько раз захлебнулась во время плавания, поэтому решила просто понырять под набегające волны, которые становились всё выше. С берега беспрерывно слышались предупреждения спасателей. Вынырнув из очередной волны, Яна сделала выдох и приготовилась встать на ноги, но тут же была сбита и оттянута назад следующей, более мощной. В таких ситуациях её спасала собранность, которая подавляла панику. Лишь на несколько секунд ей удалось поднять голову над водой, она глубоко вдохнула и медленно поплыла вдоль берега в сторону спасателей. Когда, выйдя на берег, она подошла к подстилке, то увидела, что спиной к ней на полотенце сидит одетый мужчина (видимо, только что пришёл) и разговаривает по телефону. Несколько первых фраз были настолько тихими, что Яна их не расслышала, но каждая последующая звучала всё громче и громче

и становилось ясно, о чём идет разговор.

– ...но мы же договаривались... ты мне обещала... я соскучился... я уже неделю её не видел... я просто хочу с ней пообщаться...

Мужчина резко встал и пошел к морю, продолжая разговаривать и жестикулировать свободной рукой.

– Так не честно, Рая!

Яна легла ничком и замерла: это был он, тот мужчина. Чертыхнувшись про себя, она всё же решила не уходить. Ведь она и так уже была на новом месте, чего уж бегать от него? Судя по голосу, мужчина снова приближался, и Яна опять расслышала обрывки фраз:

– ...это манипуляция... она тоже скучает по мне... при чём здесь работа?... я ищу...эк! – мужчина прервал разговор и сделал рукой такое движение, будто хотел шмякнуть смартфон об землю.

Продолжая лежать на животе, Яна повернула прикрытую платком голову лицом к соседу. Мужчина снял брюки и футболку и аккуратно, что было удивительно для такого настроения, сложил их на небольшом полотенце. Закурил, по-видимому, какую-то дешёвую дрянь, дым которой заставил её снова отвернуться. Ещё несколько раз до неё доносилось это странное «эк», потом мужчина пошёл в море. Яна задремала. Когда она проснулась от брызг пробегающего мимо мальчика, её сосед сидел к ней спиной и снова курил. На этот раз пошла освежиться Яна. Пока что получалось так, что

они разминались, но она понимала, что для того, чтобы избежать знакомства, кто-то из них должен уйти. Внутренний спор в её мозгу не утихал. Она сама не понимала, почему она не уходит. С одной стороны, принципиальность (почему я должна убегать?), а с другой – интрига. У неё появился какой-то интерес к нему из-за телефонного разговора. Когда Яна вернулась, мужчина встал и направился к морю. Они мельком посмотрели друг на друга. Яна посмотрела на него отсутствующим взглядом, а мужчина, вскользь взглянув на неё, прищурился, вспоминая её лицо. На прошлой неделе она подстриглась покороче и покрасила волосы в иссиня-чёрный цвет, а впервые он её увидел шатенкой, к тому же прошлый раз она была в другом купальнике. Яна легла на спину, прикрыв глаза косынкой и раскинув руки в стороны. Через некоторое время послышались приближающиеся шаги. Она ощутила на себе его долгий взгляд и вспомнила, что такое же навязчивое чувство преследовало её, когда она прошлый раз оставила его на берегу. Мужчина несколько минут смотрел на неё, но побоялся обознаться и решил подождать, пока женщина откроет лицо. Ощущение и понимание того, что за ней наблюдают, было Яне неприятно. На самом же деле её сосед просто присел на полотенце боком к ней и снова закурил. Ветер нёс вонючий дым в её сторону, и она хотела закрыть косынкой всё лицо. Она подняла руку, но более сильный порыв ветра унёс лёгкую косынку и Яне пришлось быстро встать, чтобы поймать её.

– Доброе утро! – тут же обратился к ней сосед.

– Доброе, – буркнула Яна, потому что ей хотелось воскликнуть: «Что за гадость вы курите?!» Она вообще не любила табачный дым, а тут был не дым, а суший смрад.

– Я не сразу вас узнал. Вы изменились.

– Мы знакомы? – всё ещё раздраженно и даже зло спросила Яна.

– К сожалению, нет, но, надеюсь, на этот раз познакомимся.

– Только если вы не будете при мне курить!

Она понимала, что её гнев неуместен и нелогичен. Это общественное место на открытом воздухе и если что-то не нравится, то можно уйти, но как я уже объяснила раньше, моя героиня разрывалась между своей принципиальностью и возникшим любопытством. Из обрывков фраз она догадалась, что мужчина спорил с бывшей женой из-за того, что она не позволяла ему встречаться с дочерью. Причина запрета пока была неизвестна, поэтому на основании только того, что она услышала, в ней зародилось сочувствие к этому мужчине. Тем не менее, что-то неуловимое вызывало внутренний протест.

– Понимаю, извините, – сказал сосед и бросил сигарету в песок, – сигареты дешевые, на мои любимые пока нет денег.

Яна снова почувствовала отторжение. Зачем это объяснение? Вызвать жалость?

– Ну, раз я выполнил Вашу просьбу, разрешите предста-

витьяся? Дмитрий. При этом Яне показалось, что он во фраке, бабочке, брюках с атласными лампасами и сейчас щёлкнет в поклоне каблуками и поцелует ручку.

– Янина, – сухо в тон ему ответила женщина.

– Какое редкое имя!

– Да, назвать Золушкой было бы претенциозно, поэтому мама остановилась на Янине.

– А, Янина Жеймо! Я понял! А характер соответствует персонажу?

– Вполне, но я над этим работаю.

– Зачем же работать над таким прекрасным характером?

– Он прекрасен для сказки, а в жизни часто приходится работать локтями.

– Да, кое-чему надо и у мачехи поучиться, – согласился мужчина, и Яна почувствовала, что он как будто отдалился от неё. Он задумчиво опустил глаза, вынул сигарету из пачки, вложил её в рот, но тут же вынул.

– Ой, извините. Я очень расстроен. Я не видел свою дочь уже больше недели. Кстати, она очень похожа на Золушку. Правда, её волосы не золотистые, а рыжие, но она такая же ласковая и добрая.

– Почему вы её не видели?

– Я в разводе, а жена не разрешает нам видеться.

Дима замолчал, а Яна не хотела задавать вопросы: тема тяжелая, можно допустить бестактность. Пусть сам рассказывает, что хочет, ведь ему сейчас нужен не столько собесед-

ник, сколько слушатель. И он заговорил.

– Знаете, я ведь ушёл из-за дочки. Наши отношения с женой ухудшились, мы стали часто ссориться, а дочка такая ранимая, всё время плакала из-за этого, а потом во сне всхлипывала. Ну, я и решил больше её не травмировать, ушёл. Теперь только по выходным её вижу, а сейчас вот жена вообще не разрешает.

Во время этого короткого монолога Дима размял сигарету так, что в ней почти ничего не осталось.

– Жарко. Пойду, освежусь, – сказала Яна, давая ему возможность закурить. Вряд ли он понял, что она сделала это для него, но тут же воспользовался этой возможностью. Волны стали ниже, но двигались не в сторону берега, а немного вкось, образуя тихий треугольник – признак опасного подводного течения, которое затягивало беспечных пловцов. Яна однажды попала в такой водоворот, поэтому сейчас зашла по колено в море, пару раз присела, побрызгала на себя прохладной водой и вернулась на берег. Время подходило к полудню, солнце начинало жечь и она решила, что уйдет, как только высохнет купальник. Выходя, она увидела, что Дима стоит и смотрит рассеянным взглядом на море, потом увидел её и слегка улыбнулся. Яна впервые увидела его во весь рост. Он был невысок, сухощав, пропорционально сложен, лицо вытянутое, губы небольшие, плотно сжатые, но красиво очерчены, глаза тёмные, чуть ассиметричные, взгляд критичный. Яна обратила внимание на его совершенно плоский

и крепкий живот – большую редкость среди мужчин его возраста.

– Почему вы так быстро вышли?

– Боковые волны. Опасно. Да и вообще сегодня погода не купательная и не загорательная.

– Интересные эпитеты.

– Можно сказать, странные или даже безграмотные. Так говорила в детстве моя дочь, – сказала Яна и тут же пожалела. Она ведь намеревалась уйти, но своим упоминанием о дочери подстегнула нового знакомого к продолжению разговора. Он тут же оживился:

– А, да? Моя тоже путает слова. А сколько вашей дочери?

– Двадцать три.

– О, совсем взрослая, а моей всего восемь. Она у нас поздняя, долгожданная и единственная.

– Она здесь родилась?

– Да. Мы здесь пятнадцать лет, – и снова задумался на несколько секунд, как будто исчез куда-то.

Яна почувствовала неловкость и ещё больше захотела уйти. Она начала складывать свою подстилку в сумку и Дима сразу «вернулся»:

– Вы что, уже уходите?

– Да, я же сказала, что погода никудышная.

– Можно вас проводить?

– Я прихожу одна и ухожу одна.

– Ах да, я забыл. А если такой вариант: вы придете сюда

одна вечером и мы посидим на другом конце пляжа за бутылочкой вина?

– Вечером я жду в гости друзей.

– А завтра вы придете на море?

– Я решу это, когда проснусь.

– Что ж вы неуловимая такая? А позвонить вам можно?

– Но не нужно. Мне пора. Жарко очень. До свидания!

– Буду надеяться, что оно будет завтра. Всего доброго!

Мне кажется, что я плохо описываю то, что происходило в голове моей героини и читатель, особенно если он мужчина, недоумевает: чего вообще хочет эта красивая женщина, которая ходит на море одна, ни с кем не намерена знакомиться, но при этом вступает в разговор с незнакомым мужчиной? По логике должно быть либо категоричное «нет», либо уступчивое «да». Или, может, она кокетничает? Это недоумение трудно развеять, так как Яна и сама не понимала, чего она хочет. Пять лет тому назад в одночасье рухнула её семейная жизнь. Муж интеллигентно выждал, когда дочь отслужит армию и основные волнения за неё схлынут, затем выбрал момент и наедине сообщил Яне, что полюбил другую женщину. Потом тихий быстрый развод, ночные слезы, внутренние диалоги, гнев, страх, обида, депрессия... ну, всё, как водится. Пройдя все эти стадии, Яна как-то притихла, обустроила по-другому квартиру, ввела новые привычки и нашла успокоение в своей монотонно-размеренной жизни. Никаких категоричных решений она не принимала: не дава-

ла себе зарок остаться одной на всю оставшуюся жизнь и не кидалась к сайтам знакомств. Её вполне устраивало уединение. Однажды на пляже она познакомилась с пожилой женщиной, которая раньше работала в книжном магазине. Они интересно побеседовали и обменялись номерами телефонов. Сперва Яна обрадовалась, что у неё появилась новая знакомая, но очень скоро пожалела об этом. Ещё несколько раз она встречалась с этой женщиной на пляже, но сразу поняла, что она зануда и их взгляды на жизнь совершенно не совпадают. Этот случай ещё больше закрепил желание уединиться. А Дима? Он ей не нравился, но он её заинтриговал. Его стремление познакомиться с ней чем-то отличалось от тех обычных приторных прилипаний, которые преследовали её постоянно. Были в этом стремлении то ли деловые, то ли дружеские нотки. Не было ни маслянистых взглядов, ни пошлых комплиментов и настойчивость была уважительная. Кокетничала ли она? Порой женщина отказывает, давая мужчине возможность побороться за неё, но в случае с Яной это неосознанное кокетство было как раз в непонимании собственного желания. Разговор Димы с женой, испорченное настроение после него и рассказ о дочке пробудил её интерес. Это был для Яны своего рода психологический ребус. В принципе, она считала манипулирование ребенком недопустимым, но ведь она слышала только одну сторону конфликта. Что же между ними произошло? Не похоже, что отец плохо влиял на дочку. Он так тепло о ней отзывался и

так расстроился, что не увидит её сегодня.

3

Яна не соврала, вечером у неё действительно были гости. Она не соврала и в том, что прийти или не прийти на море, она решит, когда проснётся. Тем, что она не давала себе никаких обещаний, она боролась с собственным снобизмом. В замужестве она была очень обязательна и перед собой, и перед домашними, но после развода она отпустила эту черту.

Голову выше и дальше пошла...

С улыбкой всегда, как бы жизнь не ломала...

Я никому ничего не должна! Кроме себя.

Лишь себе задолжала!

Обязательность осталась в отношении работы и дочери, во всём остальном она стала ориентироваться в первую очередь на собственные желания.

Гости разошлись. Яна не спеша убрала посуду со стола, помыла её, расставила всё по местам, приняла душ и легла спать, совершенно не зная, пойдёт она утром на море или нет. Вопреки её внутренним биологическим часам она проснулась позже обычного. Идти на пляж было уже поздно: пока позавтракаешь, соберёшься, пока дойдёшь, уже и полдень, а в это время уже и жарко, и места хорошего не найдёшь. Сладко потянувшись, Яна решила ещё немножко поваляться в постели, а на пляж пойти перед закатом. Ото-

спавшись как следует, она позавтракала, приготовила сумку с пляжными принадлежностями и закончила домашние дела. Когда солнце ушло на кухонный балкон, Яна отправилась к морю. К этому времени отдыхающих на пляже осталось немного, и она устроилась там, где убрали зонты, чтобы они не загорали ей солнце. Сегодня был отлив и «лягушатник» оправдывал своё название. В поисках более глубокого места Яна дошла почти до самых волнорезов, но и там плавать было невозможно из-за острых подводных камней. Стоять на месте, как «поплавки», она не могла, это было и скучно, и невозможно, так как её сразу начинали покусывать рыбки. Яна несколько раз прошла вдоль берега по колено в воде и вышла позагорать. Она обтёрлась, вынула книгу и попыталась сидя почитать, но, прочтя страницу, поймала себя на том, что ничего не помнит. Убрав книгу в сумку, она легла ничком и всей кожей ощутила обволакивающее тепло прогретого солнцем воздуха. Голова слегка закружилась, и она вошла в самую естественную и самую любимую ею медитацию – сон у моря, но удовольствие вскоре было прервано.

– Добрый вечер! – услышала она сквозь сон, – мне пришлось вас поискать, но спасибо, что пришли.

Женщина открыла глаза и первое, что она увидела, был оранжевый полупрозрачный пакет, в котором просвечивалась бутылка вина и плитка шоколада. Яна снова ощутила противоречивость, нецелостность его образа: красивая фигура, взвешенная речь, эмоции, которые невозможно было

не заметить во время и после разговора с бывшей женой, производили приятное впечатление, но вонючие дешевые сигареты и этот пакет с вином почему-то в её восприятии ассоциировались с каким-то убожеством. Это впечатление могло быть другим, если бы та же бутылка вина была не в полиэтиленовом, а в бумажном пакете фирменного винного магазина. Занудство? Придирки? Ошибаетесь! Её интуиция работала превосходно. У женщин, претерпевших большое фиаско в личной жизни, лирика уступает место пронизательности, но, увы, в тот момент Яна и сама о себе подумала, что она придает слишком большое значение мелочам.

Сегодня Дмитрий был веселее. Он сказал, что знает место, где есть большой деревянный стол со скамейками под навесом и предложил пойти туда, но Яна хотела ещё немного позагорать.

– Вы уже поплавали? – спросил Дима.

– Сегодня не поплаваешь, море по колено.

– И, тем не менее, освежиться надо, – возразил мужчина, разулся, разделся, аккуратно сложил футболку и брюки поверх шлепанцев, а пакет положил на подстилку рядом с Яной и пошел к морю.

Женщина присела, чтобы посмотреть ему вслед и ввиду того, что море было мелким, и шёл он долго, рассмотрела его лучше, чем в прошлый раз. Прекрасные пропорции, рост чуть выше среднего, широкие плечи, мускулистые руки, стройные ноги, маленькая крепкая попа (да-да, женщи-

ны обращают внимание на эту часть тела ничуть не меньше, чем мужчины). И вот что ещё на этот раз заметила Яна: походка. Она считала, что по походке можно определить основные черты характера человека и проверяла своё мнение, наблюдая за знакомыми. Так вот походка у Димы была очень красивой. Стройные жилистые ноги ступали одновременно и сильно, и пружинисто, ступни были обращены вовне, спина абсолютно ровная, плечи поочередно чуть покачивались вперед-назад. То, о чем говорят: гордая осанка. Мужчина поплескался немного и стал возвращаться к берегу. Яна опустила глаза, и её взгляд снова упал на полупрозрачный оранжевый пакет. Она рассмотрела бутылку «Алиготе» и шоколад с вишней.

«М-да, мировой закусон, а впрочем, вино хоть белое, и на том спасибо», – подумала она, вспомнив о том, что у него нет денег даже на хорошие сигареты.

– Вы абсолютно правы, плавать невозможно, – сказал подошедший Дима, – поэтому предлагаю позагорать до заката и пойти на место, которое я облюбовал.

– Ладно, тем более что вы уже подготовились, – слегка улыбнулась Яна, – кивнув на пакет с бутылкой.

– Да. Извините, что так скромно. Руководствовался тем, что женщины, как правило, любят белое вино и шоколад.

– Да ладно, не важно, вы почти угадали, – утешила его Яна. – Я вижу, сегодня у вас настроение получше.

– Это так. Я вчера поговорил с дочкой по телефону. Прав-

да, она расплакалась, но именно это помогло мне добиться от бывшей жены разрешения увидеться с моим солнышком.

Слово «солнышко» потекло по грудной клетке Яны, как глоток горячего чая в зимний день. Интонация, с которой он произнес это слово, изнутри согрела сильнее, чем настоящее солнце снаружи. Этот мужчина начинал ей нравиться.

– Как зовут ваше солнышко?

– Шемеш.

– А, имя со смыслом!

– Да, мы искали имя, которое бы выразило нашу радость.

Кроме всего, у неё рыжие волосы. Уж очень долго мы её ждали. У меня в первом браке ребёнок умер, поэтому я так беспокоился, что настоял на том, чтобы жена заранее договорилась о кесаревом и даже дату сам выбрал.

Сердце Яны смягчилось ещё больше. То, как он говорил о девочке, как теплел и будто уходил внутрь его взгляд, как мечтательно замедлялся его голос, не могло пройти незамеченным для женщины, которая не использовала всю отпущенную своему сердцу любовь.

Солнце нижним краешком уже прикоснулось к горизонту, а над другой стороной линии, где бирюзовое море сливалось с бледно-голубым небом, уже была чуть видна белая полная луна, как ломтик круглого дырчатого сыра. По песку пробежал легкий ветерок, как позёмка по снегу.

– Ну что, высохли? Может, уже пойдём? Пока дойдём до места, уже стемнеет, – предложил Дима.

Мужчина и женщина оделись и пошли вдоль пляжа. По дороге Дима попросил в кафе открыть своё вино и взял несколько одноразовых стаканов. Это вызвало у Яны ассоциацию с райкинским: «Видишь – человек без стаканá!», но её сердце уже начало таять и на смену раздражению пришло умиление (забегая наперед, скажу, что ненадолго).

Вскоре они действительно увидели большой, человек на 8-10 деревянный стол с двумя приделанными к нему скамейками. Это была удача, ведь по выходным на море многие устраивали пикники и свободное место трудно было найти. Уже стемнело. Поднялся не очень сильный, но прохладный ветер. Это внесло неудобства. Ни один из них не учёл, что вечером у моря резко холодает и не взял с собой куртку, а пластиковые стаканы сносило ветром, поэтому их постоянно надо было держать в руках. Первый тост Дима поднял, конечно, за знакомство, красиво вплетя комплименты по поводу внешности Яны и её умения выслушать. Почему-то после первого бокала возникает какая-то неловкость, повисают паузы, не находишь тему для разговора. Дима вскрыл шоколадку, разломал её на кубики на фольге и налил ещё вина в оба стакана. Поднял тост за взаимопонимание. Женщина любит ушами, а говорил Дима красиво. Яна вынула из сумки подстилку, легонько стряхнула от песка и, сложив в длину, накинула на плечи.

– Замерзла? – теплым заботливым голосом, перейдя на «ты», спросил Дима.

– Ага, даже вино не помогло, – поёжившись, ответила Яна, сидящая напротив.

– Так почему же ты села так далеко от меня?

Он обошел вокруг стола, сел с подветренной стороны, провел рукой по её жестким коротким волосам, остановившись на затылке, другой рукой повторил рисунок её губ, ласково посмотрел ей в глаза и как-то неотвратимо и крепко поцеловал. Яна выпустила из рук пустой пластиковый стаканчик и ветер тут же покатило его по столу и сбросил на песок. Второй рукой она придерживала на груди накиннутую на плечи подстилку, поэтому она оказалась между нею и Димой и эта рука ощутила усилившиеся удары сердца. Яна высвободила её, обняла Диму за шею и почувствовала, как все внутренности у неё скукожились в области пупка в вибрирующий клубок. Когда они оба стали задыхаться, он оторвался от её губ, обнял её ещё сильнее и прямо в ухо прошептал:

– Не бросай меня. Ты мне очень нужна.

Красивое признание. Быть нужной – смысл жизни многих женщин, но услышать такое от человека, который ничего о тебе не знает? Услышать: «Не бросай меня!», когда ещё нет никаких отношений? Это было приятно, странно, это потешило самолюбие, но не задело душу и напрягло. Дима разлил вино и поднял тост за дочерей. Выпили, закусили шоколадом, у Димы развязался язык, он начал рассказывать о своем детстве, о патологически жадном отце, который после смерти матери держал его впроголодь. Это был уже не

задушевный, а пьяный разговор. Видимо, он долго испытывал эмоциональный голод, а сейчас расслабился, найдя хорошую слушательницу. Яна дрожала от холода и пронзившего её возбуждения и, поняв, что пригласить её в кафе ему не за что, сказала:

– Я хочу домой, я продрогла до костей.

– Ладно, давай допьем и пойдем.

По дороге домой Дима много рассказывал о себе. Яна слушала молча и потому, что от холода зуб на зуб не попадал, и потому, что понимала, что ему просто надо выговориться. Время от времени он останавливался, перегораживая ей дорогу, и спрашивал:

– Ты меня понимаешь?

– Понимаю, – отвечала она и тогда он благодарно её целовал.

Эти моменты были прекрасны, но вот что странно: они не затмевали того, что ей мешало, её физические ощущения не перечеркивали того, что она понимала. В ней жило какое-то предчувствие и оно было глубже и серьезнее, чем вонючие сигареты, полиэтиленовый пакет и дешёвое вино. Яна вспомнила, что похожее чувство она испытывала от образа Алексея Каренина: вроде во всем положительный герой, а вызывает отторжение, если даже не отвращение.

Наконец, они дошли до её дома. Яна посмотрела на свои окна, в которых горел свет, и сказала:

– Извини, Дима, домой не приглашу, дочка дома.

– Эк! Дай мне свой номер, пожалуйста, я позвоню завтра.

Она продиктовала, он ввел номер в память телефона, хотел ещё раз её поцеловать, но Яна выставила вперед руку и мягко сказала:

– Не здесь. Спокойной ночи! Я ужасно замерзла.

4

– Ты никогда не оставалась у моря допоздна и на звонки не отвечаешь. Я уже начала беспокоиться, – сказала дочка, когда Яна дрожащей рукой открыла дверь.

– Ты не поверишь: я была на свидании.

– Обана! Прогресс! Моя мама вышла в люди! И как оно?

– Пока не разобрала. Замерзла, как цуцик, – ушла от ответа Яна, – сваргань мне чайку с лимоном, пока я в ванне погреюсь.

Яна включила обогреватель, пустила в ванну горячую воду, капнула в нее лавандового масла, разделась и блаженно улеглась. Она закрыла глаза и стала вспоминать, стараясь ничего не анализировать, а лишь прислушиваться к ощущениям. Были два приятных момента: его разговоры о дочке и его поцелуи. Первый грел душу, второй будоражил тело, но обобщенное впечатление не складывалось. Ни первое, ни второе не затмевало то неуловимое, что мешало, как ресничка, попавшая в глаз, и всё же и первое, и второе тянуло её к Диме.

А Дима, попросившись с Яной, стрельнул у прохожего сигарету (у самого уже не было денег даже на дешевые, поэтому он при Яне не курил), присел, вальяжно раскинув руки и заложив ногу за ногу, на ту скамейку, на которой недавно поджидал её с дешёвым букетом из супермаркета, и закурил,

мечтательно улыбаясь и гордо поглядывая по сторонам, как будто зрители вокруг видели его триумф и рукоплескали.

– Мам, ну колись, расскажи про своего кавалера, – лукаво попросила дочка, когда они сели пить чай.

– Любопытной Варваре на базаре нос оторвали. Сама-то много мне рассказываешь?

– Ну, по крайней мере, самое главное. Ну, не томи, ма, расскажи! Где вы познакомились?

– На море.

– Ты ломаешь собственные установки? Дальше.

– У него дочка восьми лет.

– Что? Мало того, что на море познакомились, так ещё и с молодым!

– Нет, он мой ровесник, она просто поздний ребенок.

– А, это другое дело. Ещё что?

– Его бывшая не всегда позволяет им встречаться.

– Он рассказал тебе об этом на первом свидании?

– Нет, мы до этого несколько раз случайно виделись на море.

– Всё равно рано. А сегодня куда он тебя пригласил?

– Мы сидели у моря за столиком для пикника.

– Просто сидели за столиком?

– Сидели, разговаривали и выпивали.

– Понятно. Булькали из горла в антисанитарных условиях.

Что пили?

– «Алиготе». Что за допрос с пристрастием? – встрепену-

лась Яна от собственных монотонных ответов.

– А ты не злилась, я пока ничего такого не спрашиваю.

– Ну, ещё не хватало, чтобы ты что-нибудь такое спросила, – засмеялась Яна.

– А вот и спрошу, – вполне серьезно сказала дочь, – а ты не злилась и ответь, как на духу.

– Кто из нас мать? – притворно строго спросила Яна.

– Я, – без грамма юмора последовал ответ. – Как он целуется?

– Дана!

– Мама, ты отстала от жизни! Доверяй мне. Отвечай!

Яна несколько минут смотрела на свою взрослую дочь, подперев рукой подбородок и думала, что ведь это счастье – сидеть вот так за чашкой чая с дочерью и рассказывать ей о своем мужчине.

– Ну, так как?

– Что как?

– Как он целуется?

– А, божественно!

– Капец.

– То есть? Это что, плохо?

– Это как раз хорошо, но это будет мешать, сбивать с толку.

– Какая же ты у меня искушенная! – сыронизировала Яна, – и когда только успела житейской мудрости набраться?

– Смейся, смейся, а мне вот не нравится, что мужчина на-

чинает знакомство с женщиной со своих проблем и что он не может пригласить её хотя бы в кафе. Он – жлоб, который божественно целуется, общение с ним будет рвать тебя на части, потому что от твоей наблюдательности ничто не ускользнет, а чисто по-мужски он тебя уже заарканил.

Эти слова так перекликались с тем, что Яна чувствовала, что ей стало страшно.

– Дануся, ты у меня выросла умная девушка и мне очень интересно с тобой разговаривать, но не будем забегать вперед. Слишком мало информации, чтобы делать выводы. Пошли спать.

Продолжая размышлять, лежа в постели, Яна так и не смогла однозначно ответить себе на вопрос: хочет ли она встречаться с этим мужчиной? Жаргонное словечко «жлоб», которым Дана охарактеризовала Дмитрия, отозвалось в Яне чувством стыда и даже некоторого унижения. Было стыдно, что, почувствовав эту черту, Яна не дала ей определения, а дочь сделала вывод лишь из двух вещей – разговоров о своей проблеме и дешёвого вина на берегу моря. Унизительно было то, что Яна на всё это согласилась.

Утром сели пить кофе с творогом. Яна погрустнела, а Дана была взвинчена.

– Мам, я тебе отвечаю: его жена права, что не даёт ему дочку. Попомни моё слово: он алименты не платит.

– Даночка, пожалуйста, не делай поспешных выводов. Мало ли какие обстоятельства у него сложились.

– О, уже начинаешь искать ему оправдание!

– Да не оправдание! Просто мы ещё слишком мало знаем, чтобы судить о человеке.

Яна кривила душой. Хотя она и была человеком, старавшемся разобраться и понять других, но с дочерью она спорила не поэтому. Ей было стыдно перед Даной и перед самой собой за то, что она не может сказать этой ситуации однозначное и четкое «нет», хотя понимала, что дочь абсолютно права.

– Мам, есть вещи, которые должны сразу бросаться в глаза и их нельзя игнорировать. Не фиг грузить женщину, с которой хочешь встречаться, своими проблемами. Сперва нужно расспрашивать о ней, пригласить куда-то, цветы подарить. Жлоб, одним словом.

Яне хотелось расплакаться от дочкиной безапелляционности и пронизательности. Так тяжело стало на душе! Такой маленькой и беззащитной она себя почувствовала!

– Ладно, поживем – увидим, – завершила Яна неприятный разговор и начала разбирать пляжную сумку. Она вынула влажное полотенце и сунула его в почти полную стиральную машину. Затем вспомнила, что подстилку оставила в ванной. Зайдя туда, она взяла подстилку в руки, задумчиво посмотрела на неё и как-то механически накинула на плечи. Прислонилась к стене, закрыла глаза, скукожилась, как вчера от холодного морского ветра и покрылась «гусиной кожей» от воспоминания о том, как Дима обрисовывал пальцем её

губы. И вдруг в эту нирвану ворвалось воспоминание о полупрозрачном пакете с дешёвым вином и пластиковые стаканчики. Она положила подстилку в стиральную машину и включила её.

В салоне загремела музыка, это дочка включила тяжелый рок, сидя за компьютером.

– Дана, это не мой стиль, – прокричала Яна издали, – прямо как молотком по голове.

Дочь надела наушники и воткнула штекер в компьютер. Почти сразу в образовавшейся тишине раздался звонок мобильного, лежавшего на кухонном столе. Яна взяла его в спальню, села у туалетного столика. Номер был незнакомым.

– Алло.

– Яна, доброе утро!

Ну да, она ведь дала Диме свой номер, но его номер не взяла.

– Доброе утро!

– Как спалось?

– Нормально.

– Ты не простыла?

– Нет. Отогрелась в горячей ванне, чайку с лимоном выпила и в постель.

– Можно было и водочки для надёжности.

– Под водочку закусочка нужна, а мы перед сном не едим.

– А я вот пришел домой и с хозяином квартиры выпил.

Я же позавчера только в другую квартиру вселился, а хозяин оказался моим земляком. Посидели немного, повспомни-

нали...

– Не поняла, что он делал вечером в квартире?

– Как что? Он же в ней живет, а мне сдаёт одну из комнат.

Яне снова стало мрачно от ощущения убожества и она вспомнила приговор дочери: жлоб. Она знала мужчин, которые после развода были в стеснённом материальном положении, но никто из них не снимал комнату. Снимали однокомнатные квартиры, пусть даже за гипсовой перегородкой, но чтобы один, чтоб никто не мешал.

– Почему ты остановил свой выбор на этой квартире? Тебе удобно добираться до работы?

– Нет, меня уволили три недели назад, я ищу работу, а квартира мне по цене подошла...

«Час от часу не легче», – совсем было сникла Яна, но Дима продолжил:

– ...да и от моей квартиры до дочкиной школы 10 минут ходьбы, так что я могу иногда её забирать и отводить домой, пообщаться в скверике.

За эти слова Яна простила ему всё. «Ну не может плохой человек так любить своего ребёнка! Неправа Дана, не жлоб он, просто у него полоса такая. Всё со временем образуется». Дима, будто прочитав её мысли, сел на своего любимого конька и стал с упоением рассказывать, какая у него умница и красавица дочь, как она занимает призовые места на конкурсах балльных танцев, как её хвалят учителя... Когда они попрощались, Яна увидела в дверном проёме дочь, ко-

торая облокотилась на косяк двери, скрестила руки на груди и строго спросила:

– Он?

– Да.

– Можно было и не спрашивать. Это был не разговор, а его монолог.

– Ты что, подслушивала? – с негодованием спросила мать.

– А что подслушивать? Из 15 минут разговора ты сказала две-три фразы.

– Дана, как тебе не стыдно? Это все-таки моя личная жизнь!

– Это не жизнь, мама! Это непрерывный компромисс. Вот так же ты не хотела замечать, что папа всё время говорит и думает только о себе.

Упоминание о муже в таком ключе было неожиданно и больно. Лицо Яны стало по-детски беспомощным, из глаз потекли слёзы. Дана ринулась к ней, обняла, присев на корточки:

– Мамочка, прости! Я не хотела тебя обидеть! Я хочу тебя защитить. Ты у меня умная, но только теоретически. Тебя так легко обмануть.

– Дай салфетку, – холодно сказала Яна.

Дана подала матери коробочку, та вынула из неё несколько бумажных салфеток, вытерла слёзы, высморкалась, вздохнула.

– Но с чего ты взяла, что он старается меня обмануть?

– Жопой чую! – ответила дочь, чтобы хоть немного рас-
смешить расстроенную мать.

Ей это удалось. Яна улыбнулась и спросила:

– А если серьёзно, на основании чего ты делаешь такие
выводы?

– Мама, начинаться всё должно не так. Пусть жизнь – не
сплошной праздник, но сперва мужик должен обаять жен-
щину. Не обязательно дарить бриллианты и водить в шикар-
ные рестораны, но хотя бы цветы принес на первое свидание,
в кафе пригласил, а он что?

– А он беспрерывно говорит о своей дочурке.

– Вот именно! – горячо продолжила Дана, но тут же осек-
лась, увидев, что у матери по щекам снова потекли слёзы.
С лица дочери сошло выражение уверенности и крутизны,
она на секунду задумалась, потом взглянула на мать, кото-
рая, не вытирая слёз, сидела, облокотившись лбом на согну-
тую в локте руку.

– Так что же это получается? Он тебя именно этим заце-
пил?

Яна обречённо покачала головой и несколько слезинок
упали на стол. Она снова взяла салфетку, вытерла слёзы, но
тут же расплакалась в голос, закрыв лицо руками.

– Ты выросла, доченька, а я всё живу той счастливой по-
рой, когда ты была маленькая. Я помню все твои ляпсусы,
смешные словечки, болезни... Я скучаю по тебе!

Ошарашенная Дана сразу поникла. Ей стало стыдно, что

она разговаривала с матерью свысока. В памяти пролетели детские площадки, цирк, кукольный театр, рисование, чтение вслух, болезни и всегда рядом была мама, только мама. И вот теперь, когда мама осталась одна, на её голову упал какой-то жлоб, который души не чает в своей малышке. Видимо, через девочку мама хочет компенсировать недобор общения с ней, а через этого козла – общение бывшего мужа с дочерью. Это был очевидный самообман, но Дана не смогла больше настаивать на своем. Она взяла руки матери, приложила их к своему лицу и сказала:

– Прости, мамочка! Я всё поняла. Слушай свое сердце, но если этот муд... мужик тебя обидит, я не знаю, что я с ним сделаю.

– Спасибо, моя родная!

Дима звонил каждый день по несколько раз. Он просил о встрече, но после работы у Яны не было сил никуда ходить. Кроме того, свидание могло закончиться в постели, но в чьей? У Димы, где за стенкой спит другой мужчина или у неё, где в соседней комнате спит её дочь? Но к концу недели Дана сообщила, что нашла недорогую однокомнатную квартиру и на днях съедет. В выходной Дима всё-таки настоял на свидании. Он выбрал странное место, «Макдональдс». Кафе было огорожено со всех сторон искусственным кустарником, так что издалека невозможно было увидеть, что происходит внутри. Когда Яна вошла, её ждал сюрприз: напротив входа за столиком сидел гордо улыбающийся Дима, и с ним рядом – прелестнейшее создание с волнистыми рыжими волосами до плеч, которые сияли вокруг головы, как нимб, огромными зелёными глазами в обрамлении рыжих ресниц, конопушками на аккуратном носике и с ангельской улыбкой на пухлых губках.

– Пгивет, Яна! – сказала девочка, чуть картавя, – как дела?

Яна пропала, просто пропала! Дима по своей значимости стал подобен этому кустарнику, на который никто не обращает внимания. Она видела только эту девочку. Шемеш внешне была совершенно не похожа на Дану в детстве. Дана всегда была озорным, ласковым, подвижным голубогла-

зым одуванчиком, а в Шемеш чувствовалось какое-то взрослое достоинство. Впоследствии Яна поняла, что это из-за её осанки, сформированной балльными танцами.

– Привет, Солнышко! – ответила Яна, – какая же ты красавица, просто куколка!

Девочка улыбнулась смущенно, но без грамма жеманства, как улыбается женщина, знающая о своей красоте.

– Меня вчега мама водила в пагикмахегскую, – сказала она, старательно выговаривая трудное и длинное для израильтянки слово с двумя «р». Яна не удержалась и провела рукой по её волосам. Они были шелковистые, но довольно жёсткие.

– А почему ты стгижешься так коготко, у тебя же тоже кгасивые волосы?

– У меня нет времени за ними ухаживать.

– Яна очень много работает, – встрял Дима, но на него не обратили внимания.

– А у тебя есть дети?

– Да, у меня тоже дочка.

– А сколько ей лет?

– 23.

– Ого! Она уже была в агмии?

– Ну конечно, доча, в армию ведь идут в 18, посчитай сама, – снова вмешался Дима, но его снова проигнорировали.

– Да, она уже отслужила, сейчас и учится и работает. Она хочет быть модельером.

– Это что? – не поняла урожденная израильтянка нового для неё слова.

Яна не успела открыть рта, как Дима ответил:

– Не что, а кто, доча. Модельер – это человек, который придумывает новые фасоны одежды.

– Ух ты! – удивилась девочка.

Во время этого разговора Дима сидел напыщенный, как индюк и время от времени поглядывал по сторонам. Ему, наверное, казалось, что все видят и завидуют тому, что он сидит в окружении таких двух красавиц. Тогда Яну это умиляло, но довольно быстро она поняла, что большую часть его отцовской любви занимает эгоизм и гордость и что ему важнее, чтобы было чем похвастаться перед другими, чем то, что чувствует ребёнок.

– Папа рассказал мне, что ты очень хорошо танцуешь, – решила Яна польстить отцовскому самолюбию.

– Да. У меня снова ского будет конкугс. Ты пгидешь?

– С удовольствием! Я бы и сама хотела научиться.

– Шемеш тебя научит, – ответил Дима, чем наярпг их обеих. Девочка хорошо танцевала, но не хотела учить, а Яна понимала, что для учебы надо много времени, проведенного у неё дома, ведь больше нeгде. Когда Дима допил свою колу, Шемеш доела мороженое, а Яна допила клубничный коктейль, они пошли в парк. Сели на скамейке по обе стороны от девочки. Дима взял руку дочери, поцеловал, потом присмотрелся и строго сказал:

– Доча, почему у тебя ногти снова грязные? В прошлый раз я тоже делал тебе замечание. Как не стыдно?

Это была первая, но, увы, не последняя ситуация, когда Яна кипела негодованием, которое вынуждена была сдерживать при девочке. Она протянула руку за спиной Шемеш и ногтем сильно уколола Диму в бок. Он вздрогнул и вопросительно посмотрел на неё. Яна со злым выражением лица покачала головой из стороны в сторону.

– Можно я буду называть тебя Рыжик-Пыжик, ты не обидишься? – игривым тоном спросила Яна.

– Как смешно! Меня ещё никто так не называл. Можно.

– Рыжуля, а хочешь, я на следующей неделе сделаю тебе маникюр? Мама разрешит?

– Да?! – обрадовалась девочка. – Папа, можно я маме позвоню?

Дима набрал номер и передал телефон дочке.

– Мама, можно Яна сделает мне маникюр... Беседег... Спасибо, мамочка! Я тебя люблю!

Шемеш сказала, что сегодня она должна вернуться домой, доделать уроки и порепетировать с подружкой, а в следующий выходной можно.

Тепло попрощавшись с девочкой, Яна осталась на скамейке, пока Дима отведет её домой.

– Ну как тебе моя доча? – гордо спросил он, когда вернулся.

– Ангелочек! – ответила Яна и сделала небольшую паузу,

в которой Дима успел «распустить хвост», вот только с папой ей не повезло.

«Хвост» сразу опал. С обидой и недоумением Дима спросил:

– Чего это?

– Ты рассказал мне, что ушел из семьи из-за ранимости Шемеш.

– Да, она очень чувствительная.

– Так почему же ты позволяешь унижать её при мне?

– Чем это я её унизил?

– Зачем надо было отчитывать её за грязные ногти при мне?

– Затем, что это некрасиво и я ей уже об этом говорил.

– Ты мог сказать ей об этом дома.

– Когда увидел, тогда и сказал! Разве отец не имеет права сделать дочке замечание?

– При своей подруге – нет. Каждый человек при первой встрече хочет произвести приятное впечатление, а ты своего ребенка опустил и гордишься тем, что ты прав.

– Эх! Так что ты предлагаешь?

– Я уже предложила. Приедете ко мне на следующей неделе и я сделаю ей маникюр, а теперь я пойду.

– Что значит: "Пойду"? Ты меня к себе не пригласишь?

– Пока нет, извини. Дана вчера съехала, в квартире бардак и еду надо приготовить на несколько дней.

– Я могу тебе помочь.

– Спасибо, но я люблю работать в одиночестве.

– Эк! Яна! – возмутился Дима, – ты думаешь, что я каменный? Ты мне нравишься! Я хочу тебя!

– Бедненький! – смягчилась Яна, почувствовав, что она и вправду слишком резка с ним, обняла его и поцеловала, – не сердись, я просто хочу пригласить тебя в прибранную квартиру и накормить вкусным обедом. А вот и мой автобус. Пока! – быстро чмокнула его в губы и зашла в автобус.

Она села у окна и всю грудную клетку как будто стянуло металлическим корсетом. Она совершенно отчетливо поняла, на какой тяжелый компромисс идёт. Она будет обманывать и себя, и Диму и даже будучи совершенно искренней с Шемеш, она будет обманывать и её. Правильнее и порядочнее было бы прекратить отношения сейчас, пока ситуация не запуталась до драматичности, но Яна не хотела терять связь с девочкой и в этом желании было какое-то неосознанное ощущение миссии.

Началась рабочая неделя. Дима не давал проходу. Он звонил по 3–4 раза в день. То ему надо было о чем-то посоветоваться, то что-то обсудить и Яна не понимала, она для него настолько авторитетна или он совершенно беспомощный? Когда же она попыталась объяснить ему, что он ей мешает, то он возмутился:

– Я просто хочу с тобой пообщаться! Мне с тобой интересно, что в этом плохого?

– Дима, ищи работу, тогда тебе некогда будет со мной общаться.

– Ты меня упрекаешь?

– Я просто прошу тебя не звонить мне в рабочее время. До вечера!

На всякий случай Яна отключила звук на мобильнике. Таким образом, выяснилась ещё одна неприятная черта. Дима вроде бы хотел показать свою привязанность, а на самом деле такая навязчивость говорит о том, что человек внутренне пуст и ему надо заполнить эту пустоту кем-то, потому что в одиночку со своей жизнью он не справляется. Если таким образом ведёт себя женщина, это более естественно, но если подобную слабость (а это слабость) проявляет мужчина, то это противно.

К концу недели Яна, как и обещала, пригласила Диму с

дочкой к себе. Дана, узнав об этом из телефонного разговора с матерью, тоже напросилась в гости, прихватив подарки для девочки. Когда раздался звонок в дверь, Дана поспешила открыть и мама, стоявшая сбоку от неё в двух шагах, увидела восторг своей дочери.

– Ой, какая красавица пришла к нам в гости! Как тебя зовут! – воскликнула Дана и взяла Шемеш за руки.

– Шемеш, – смущенно ответила девочка, но в этом смущении не было детской робости, нежелания общаться с чужим человеком. Наоборот, её сияющие глаза и улыбка говорили об открытости и приятии.

– Привет, Солнышко! Здравствуй, Дима! – Яна поцеловала обоих, – проходите, будем обедать.

Дана сразу увела Шемеш в свою комнату.

Дима с Яной пошли на кухню. Там он подарил ей стеклянную кофеварку. Это была одна из тех дешевых и бесполезных вещей, которые на предприятиях дарили работникам на большие праздники. Стол был уже сервирован, осталось лишь вынуть салаты из холодильника и разогреть шницеля.

– Под что такая шикарная закуска? – спросил Дима.

– Под красное вино для нас и томатный сок для Шемеш.

– Слабенько.

– Ну извини, не рассчитала.

– Так я сбегаю. Ты будешь?

– Нет, мы любим вино.

– Понял. Я мигом.

Через некоторое время он вернулся из магазина с двумя запечатанными пластиковыми стаканчиками водки. Дана к этому времени привела на кухню Шемеш, на которой была надета салатовая ажурная шляпка и в руке был раскрытый японский веер – подарки Даны – и они хором восхищались красотой девочки и её обновок. Дима тоже ахнул и поставил на стол свое вожаделенное приобретение. На несколько секунд наступила немая сцена. Дана посмотрела на пластиковые стаканчики, на Диму, на маму, которая от стыда опустила глаза, на Шемеш, которая не поняла причины замешательства, но заметила его. Дима же был настолько воодушевлен, что ничего не заметил. Яна вышла в салон, чтобы взять из серванта рюмку для Димы. Там она, закрыв глаза, сделала несколько глубоких вдохов и выдохов, чтобы успокоиться. «Жлоб!» – снова прозвучал в памяти ещё раз подтвержденный диагноз, поставленный дочерью. Взяв рюмку, она надела улыбку, вернулась к столу и начала ухаживать за всеми. Особое внимание мать и дочь уделяли девочке. Шемеш кушала очень аккуратно и всё время говорила: «Спасибо! Это так вкусно!» Дима налил водку из стаканчика в рюмку, затем налил вина женщинам и сок дочке. Поднял тост за знакомство. В подобных ритуалах он преисполнялся такого пафоса, что Яне он снова представлялся стоящим во фраке и с хрустальным бокалом в руке. Затем, нахваливая еду, за хозяйку, за дочерей... цедил и цедил из стаканчика в рюмку. То, что все его игнорируют, он не замечал. Невозможно бы-

ло не заметить, что Дана полюбила Шемеш. Яне было очень отратно это видеть. После обеда Дима помог убрать со стола посуду и даже стал её мыть. Дана попрощалась и ушла, обняв и поцеловав девочку, а Яна позвала Шемеш в салон делать маникюр. Девочка первым, спросив разрешения у отца, позвонила маме. Она с восторгом рассказывала о том, чем их угощала Яна и какие красивые подарки ей подарила Дана. Дима зашёл в салон и присел рядом. Вся его фигура, осанка, походка выказывали уверенность в себе, но в действительности это был гонор не по чину. Он начал расспрашивать дочку, понравилось ли ей угощение, Дана и её подарки. Зачем? Ведь он слышал, как она только что говорила об этом с мамой! А всё тот же гонор. Он гордился Яной перед Шемеш, он гордился Шемеш перед Яной, он гордился всеми, с кем соприкасался, потому что это поднимало его ценность в собственных глазах. Закончив маникюр, Яна покрыла ногти девочки лаком телесного цвета и поцеловала ладошки. Шемеш тут же обратилась к отцу: «Папа, можно позвонить маме?»

– Мама! – восторженно заговорила девочка, – Яна сделала мне маникюр!..Нет, не ягкий, совсем светлый... Нет, совсем не больно... Можно я ещё немножко побуду?... Хогошо... Спасибо, мамочка!

Яна убрала маникюрные принадлежности и спросила:

– Рыжик, хочешь, поиграем в морской бой?

– Что это?

– Как? Ты не знаешь эту игру? Это же так просто! – начал

стыдить её Дима.

– Просто все, что умеешь сам, – ответила Яна Диме, а девочке сказала:

– Сейчас я тебя научу.

Она взяла два листа бумаги в клеточку, начертила на них по два ровных квадрата и сбоку нарисовала образцы «кораблей», указав их количество. Затем объяснила, как их размещать. Дима взялся помогать дочери и на любую её попытку слышалось возмущённое: «Нет, так нельзя!» или: «Ну куда ты лепишь?» или: «Яна же тебе объяснила!» Яна поняла, что он не даст им спокойно поиграть и нашла чем отвлечь высокомерного папашу.

– Дима, хочешь сэкономить мне 150 шекелей?

– Каким образом?

– Мне нужно поменять смеситель в ванной. Я уже купила новый и собиралась на этой неделе вызвать сантехника.

– А инструменты у тебя есть?

– Да, на балконе в металлическом сундучке. Мой счётчик во дворе второй справа.

Дима, преисполненный чувством собственного достоинства, вышел во двор перекрыть воду, потом вернулся, взял инструменты и начал возиться в ванной, а Яна тем временем стала спокойно объяснять девочке правила игры.

Закончив, Дима позвал Яну принять работу. Они с Шемеш зашли в ванную. Дима открыл кран и продемонстрировал его во всех положениях.

– Ну? Я молодец? Что я заслужил?

– Да, молодец, спасибо! – сказала Яна и поцеловала его в подставленную щеку.

Шемеш немного смутилась от этого, но сказала:

– Папочка, я тебя люблю.

Из салона донеслась мелодия Диминого телефона.

– Нет, мы ещё у Яны, – ответил он, – хорошо, я скоро её привезу, – и уже обращаясь к Шемеш:

– Мама сказала, что вы должны идти в гости к бабушке с дедушкой, надо ехать домой.

Девочка восприняла это совершенно спокойно: надо, так надо. Яна одела Шемеш её новую ажурную шляпку, дала веревочку. В искреннем детском порыве девочка обняла её и сказала:

– Яна, ты такая хогошая!

Яна поцеловала её в душистую макушку, обняла и сказала:

– Ты – прелесть, Рыжуля! Приходи ещё, поиграем.

Она открыла дверь перед гостями и, прощаясь, Дима тихо, почти одними губами, сказал:

– Я вернусь, да?

Яна кивнула. Когда гости ушли, она начала раскладывать по местам посуду. Мысли металась между тем, что сейчас было и тем, что сейчас будет: «Какой он человек? Какой он мужчина? Какое производит впечатление? Очень интересный внешне, стройный, подтянутый, аккуратный, со вкусом

одевается, с красивой, уверенной пружинистой походкой, с красивым голосом (слегка выдвинутая вперед нижняя челюсть придавала голосу приятные басы), с нежными руками... При этом зануда и моралист, считающий себя всегда и везде правым. Самоуверен и при этом безумно нуждающийся в ком-то для поддержки. Бесприданник и жлоб с искаженными ценностями, из-за которых не может найти работу. Любит дочку и при этом плохо к ней относится. И дочка его очень любит». Закончив с посудой, Яна пошла в душ. Она постаралась расслабиться, стоя под теплыми струями и, закрыв глаза, вспоминала их первый вечер у моря. Потихоньку неприятные моменты сегодняшнего дня растворялись в будоражащих воспоминаниях тела. То ли она растянула это удовольствие, то ли Дима так быстро вернулся (а он почти бежал на обратном пути), но звонок в дверь раздался, когда по многолетней привычке она намазывала себя душистым кремом для тела. Яна обмоталась большим баннным полотенцем и подошла к двери. Увидев в дверной глазок, что это Дима, открыла. Он ждал этого момента давно, поэтому всё произошло, как в эротическом фильме: страстно и быстро. За поцелуями и прикосновениями нежных рук последовало то, что можно описать так: если у тебя есть комплект беличьих кисточек, это ещё не значит, что ты – великий художник. Но моя героиня была женщиной более эмоциональной, чем чувственной, поэтому впечатлилась ярким порывом, напором и пренебрегла полным отсутствием гармоничности.

Немного отдохнув, Дима сказал:

– Шемеш от вас с Даной в восторге. Она всю дорогу говорила о вас и потом рассказывала Рае. А Дане Шемеш понравилась?

– Спрашиваешь! Твоя дочка не может не понравиться.

– Мне так приятно это слышать и так приятно было сидеть за семейным столом, – сказал Дима и поцеловал Яну, – кстати, на обед были такие нежнейшие шницеля! Я бы с удовольствием съел ещё, если осталось.

– Да, конечно. Я сейчас разогрею.

Дима встал вместе с Яной, они накинули халаты и пошли на кухню. Она вынула из холодильника коробку со шницелями, несколько помидоров, лук, зелень и начала делать салат. Дима взял из коробки холодный шницель.

– Ммм, – застонал он, – во рту тает.

– Что ж ты холодный схватил?

– Да ничего, он и холодный вкусный, – ответил Дима и вышел в салон.

Яна услышала поочередное открывание и закрывание дверей спальни дочери, туалета, ванной. Спустя несколько минут тишины она вышла из кухни, чтобы посмотреть, где Дима и увидела его стоящим посреди салона. Он делово рассматривал стены с видом покупателя.

– Да, – заключил он, – квартира у тебя хорошая, но побелка давно не делалась.

– Давно, – согласилась Яна.

– А я, между прочим, строитель по образованию и могу сделать тебе хорошую побелку. Только краску я сейчас купить не смогу. С тебя краска, с меня – работа. Согласна?

– Я подумаю, а пока что идём кушать, всё готово.

Дима сел за стол и с воодушевлением стал рассказывать, в каком магазине можно купить недорогую, но качественную краску, расспрашивал Яну, в какой цвет она хотела бы покрасить каждое помещение. А вот слушала Яна без особого воодушевления по двум причинам: во-первых, она обратила внимание, как он осматривал квартиру – не как гость, а как хозяин. Дана была права, сказав, что от её наблюдательности ничего не ускользнёт. Во-вторых, хоть Яна и не была корыстным человеком, но Димино предложение: «С тебя краска, с меня – работа?» не было похоже на подарок. Пока она об этом размышляла, она не слышала его, а он уже перешёл на тему о своей специальности и начал рассказывать, как у себя на Родине он ремонтировал дачи крупных чиновников. Выйдя из своих раздумий, Яна совершенно некстати спросила:

– Дима, почему тебя уволили?

На секунду оторопев от неожиданного перехода, он сказал:

– Я уволился, потому что решил уехать в Израиль.

– Нет, я имею в виду уже здесь, с последней работы.

Удивление на его лице сменилось злостью.

– Не уволили. Я сам ушёл. Хозяин стал придираться, что

я часто кушаю. Я хлопнул дверью и ушёл.

Слово «кушаю» по отношению к себе из уст мужчины прозвучало инфантильно.

– А ты часто ел?

– Я вынужден есть каждые два часа. Мне несколько лет тому назад удалили большую часть желудка, поэтому я не должен, да и не могу долго терпеть голод.

– Ты хозяину это сказал?

– А чего я должен перед ним отчитываться? – возмутился Дима, – когда хочу, тогда и ем. Они что, думают, если иврита не знаю, то меня унижать можно?

Яна воздержалась от комментариев, но впервые за время их знакомства в её голове возникла чёткая мысль: «Я его долго не выдержу».

– Говоришь, ты по образованию строитель? Ты мог бы маляром работать.

– Не хочу. Здесь я могу работать только в какой-то бригаде, а подчиняться я не привык. После техникума я работал начальником, до техникума профессионально занимался народными танцами, был солистом, разъезжал с гастрольями.

– Но Дима, это эмиграция, здесь всё надо начинать с нуля. Если хочешь быть начальником – учись, а не хочешь учиться – подчиняйся.

– Чему учиться?

– Ну, для начала не мешало бы выучить иврит и для того, чтобы увереннее чувствовать себя в быту, и чтобы с дочкой

не потерять связь.

– Я и так уверенно себя чувствую и не собираюсь учить этот искусственный язык! И от дочки я не отдалюсь, мы все с ней разговариваем по-русски.

– А кто ходит на родительские собрания?

– Рая, конечно.

– Ну да. И причина мне понятна, там же говорят на иврите.

– Эх! Почему я должен учить иврит? Я и без него 15 лет обходился!

Яна поняла, что спорить бесполезно. Этот человек думает, что он стоит на пьедестале. Он с гонором говорит даже о том, что она бы стыдилась произнести вслух. Настроение у неё испортилось окончательно. Впечатление о Диме перестало быть двойственным. Уйдя от неприятной темы, она спросила его об участии в танцевальном ансамбле. Дима моментально оживился. Как он любил говорить о себе! Яна не собиралась долго выслушивать его самохвальство и перевела разговор на Шемеш, поинтересовавшись, когда и где будет конкурс. Выяснилось, что до него остался месяц. Зазвонил Янин телефон.

– Привет, доця!.. Нет ещё... Я перезвоню позже.

Дима, как ни странно, понял, что пора уходить.

На пороге он обнял её и поцеловал своим замечательным поцелуем, который остался единственным приятным моментом в их отношениях. Закрыв за ним дверь и посто-

яв несколько минут с закрытыми глазами у стены, Яна вернулась к действительности и позвонила дочери. Та начала с восторга:

- Мама, девчурка – просто чудо! Теперь я тебя понимаю. Её невозможно не полюбить, чего не скажешь о папе.
- Даночка, не надо, пожалуйста, самой тошно.
- Трудно тебе будет, мамуля. Какой бы он ни был отец, а он отец.
- Конечно.
- Я бы с удовольствием ещё поиграла с Шемеш.
- Хорошо, я позову тебя, когда они придут в следующий раз.

С воскресенья Дима снова стал названивать. Он искал работу и отчитывался о каждом шаге: куда звонил, куда ходил, что предлагают. Каждый день после первого звонка Яна напоминала ему, что отключает мобильник до конца рабочего дня, чем он был откровенно недоволен. К концу недели он с гордостью сообщил Яне, что если они будут жить вместе, то она больше не будет так тяжело работать, потому что он нашёл и работу, и подработку. Засмеявшись про себя, Яна поинтересовалась, что за работа.

– Посудомойщиком в заводской столовой. Платят минимум, питание на месте и ещё Рувен – мой квартирный хозяин будет брать меня ремонтировать квартиры.

– Ну вот видишь: «не было ни гроша, и вдруг алтын».

В пятницу утром они снова пошли забирать Шемеш на прогулку. Дима говорил о своей работе так, как будто это – дело решённое и строил далеко идущие планы. Яна уже не воспринимала его всерьёз и лишь, улыбаясь, повторяла: «Дай Бог!» Он не понял иронии и в продолжение своих мечтаний спросил:

– Так что ты решила на счёт побелки?

– Пока не хочу.

– Но почему? – искренне удивился Дима, – такие обшарпанные стены!

– Стены ты покрасишь, а старые окна и двери останутся. Нет, надо делать не побелку, а ремонт, но на это у меня пока нет денег.

– Жаль, я бы сделал красиво.

– Вот заработаешь и сделаешь красиво, – подытожила Яна, имея ввиду, что он никогда не заработает, но он это понял, как намёк, что они будут жить вместе.

– О, а вот и Рая с Шемеш! – вдруг заметил он и окликнул бывшую жену, которая стояла, держа дочку за руку, возле пешеходного перехода.

– Ладно, ты подойди, а я вас тут подожду.

Яна присела на тёплый парапет и издалека наблюдала за встречей. Рая была очень полной женщиной с красивыми, медового цвета, вьющимися волосами, собранными в «ракушку». Её размеры по сравнению с Димой вызвали в Яне ассоциацию с видом пауков «чёрная вдова», у которых самка в 10 раз больше самца. Черты её лица Яна издалека рассмотреть не смогла, но когда Рая повернула голову в её сторону (по-видимому, Дима о ней упомянул), то Яна почувствовала на себе серьёзный и умный взгляд. Дима, до сих пор стоявший к Яне спиной, повернулся и позвал её. Подойдя к ним, Яна увидела, что Шемеш ей улыбнулась, затем быстро взглянула на маму и прижалась к ней, чуть отступив назад, а мама положила ей руку на плечо.

– Здравствуйте! – слегка кивнула Яна Рае, – Привет, Солнышко! (при матери Яна не решилась называть девочку Ры-

жиком).

– Пгивет, – смущенно ответила девочка и снова взглянула на маму.

Дима представил женщин друг другу и попросил бывшую жену отпустить Шемеш погулять с ними в парке, от чего Шемеш ещё больше вжалась в маму. У Яны защемило сердце: поведение девочки говорило о напряжении и страхе. Почему? Они прекрасно провели время у нее дома и тепло попрощались. Если Рая заметит этот страх, она запретит дочке встречаться с Яной, но Рая, безразлично скользнув взглядом по Яне, посмотрела на Шемеш и спросила:

– Ты хочешь в парк?

– Да, – как-то робко и почти виновато ответила девочка.

– Хорошо, – согласилась Рая.

Девочка сразу оживилась, но это не было непосредственное детское оживление. Она как будто не хотела показывать свою радость. У Шемеш была врождённая деликатность, она понимала, что как бы не нравилась ей Яна, а мама всё-таки важнее. Она потянула маму за руку, та наклонилась к ней и поцеловала.

– Спасибо, мамочка!

Яна взяла Шемеш за руку, они попрощались с Раей и разошлись в разные стороны. Пока Рая была видна, Шемеш шла чинно и спокойно и несколько раз оглядывалась, чтобы помахать маме, но как только они скрылись за поворотом, девочка расслабилась и стала щебетать.

– Яна, смотги, маникюрг ещѣ не смылся. Маме понгавился, она даже газгешила мне с ним в школу идти. А что мы сегоднѣ будем делатъ?

– Сегодня я буду тебя фотографировать в парке.

– Уга! Уга! Уга! – запрыгала Шемеш, а Яна рассмеялась не только от её эмоций, но и от смешно звучащего слова.

В парке были оригинальные кованые бесѣдки, деревянные скамейки в тени деревьев, качели, карусели, небольшие лужайки, а ещѣ в парке был пруд и Яна заметила, с какой тоской девочка посмотрела в его сторону. Дима подбирал места, Шемеш с удовольствием позировала, Яна фотографировала их вдвоѣм и поодиначке. В такие моменты она забывала обо всѣм, что раздражало и возмущало её в Диме – их объединяла любовь к девочке. Потом Шемеш предложила снять Яну с папой и засмушалась, когда для фотографии он стал сзади от Яны, обнял её за талию и положил голову на её плечо. Потом Шемеш захотела сфотографироваться втроѣм. Яна попросила об этом проходившего мимо парня. Они сели на скамейку по бокам от девочки и наклонили к ней головы. В этот короткий миг Яна ощутила полное счастье. Таких счастливых моментов было в её жизни несколько и один из них – вот такое же семейное фото в парке, когда Дана была ещѣ совсем маленькая и они с мужем ещѣ любили друг друга.

– Яна, почему ты ггустная? Хочешь, я тебя сфотоггафигую?

Яна очнулась от внезапно нахлынувших воспоминаний,

улыбнулась и ответила:

– Конечно, Солнышко! Я хочу вот здесь.

Напротив она заметила причудливо изогнутое дерево, одна из толстых ветвей которого низко спускалось параллельно земле. Яна влезла на неё и повисла, как сытая Багира из «Маугли», свободно свесив руки и ноги. Даже Дима этому рассмеялся. Он настроил фотоаппарат и отдал его дочке, объяснив, на какую кнопку надо нажимать. Потом они сели на скамейку и Дима попросил Шемеш показать фрагменты бальных танцев, которые она будет показывать на конкурсе. Это было так красиво! Она была довольно пухленькой девочкой, но её движения были такими чёткими, отточенными! Она включалась вся и моментально, танцевала вдохновенно и ещё больше подогрела желание Яны прийти на конкурс. Когда пришло время и Дима отвёл дочку домой, то вышел он к Яне расстроенный. Оказалось, что сейчас позвонил его квартирный хозяин и позвал на какой-то очень срочный ремонт и Дима не смог отказать, тем более, что деньги очень нужны. Про себя поблагодарив хозяина и Бога, Яна спокойно сказала:

– На ловца и зверь бежит. С почином!

– Ты не обидишься? – робко спросил Дима.

Яне хотелось сказать: «Совсем наоборот!», но она ответила:

– Ну, разве я не понимаю?

Домой она пошла сама, потому что Диме надо было взять

одежду для работы.

Он позвонил лишь в субботу вечером и рассказал, что работа была тяжёлая, работали всю ночь, он отсыпался потом пол дня, но заплатили хорошо.

С воскресенья Дима должен был выйти на работу. Утром он не позвонил, и это было понятно. Когда закончился рабочий день, Яна заглянула в телефон. Не было ни одного непринятого звонка и ни одного сообщения. Не то, чтобы её это расстроило, но удивило. Прошло ещё несколько часов – тишина. Она заволновалась. Чтобы не дать разыгаться воображению в неправильном направлении, она позвонила. Дима взял трубку на шестом гудке, когда Яна уже была готова отключиться. Его «алло» прозвучало с интонацией «чего надо?», и первым желанием Яны было сразу прервать ещё не начатый разговор, но она сделала вид, что не заметила и с напускной лёгкостью спросила:

– Как работа?

– Никак, – зло буркнул Дима.

Она снова стерпела его интонацию.

– Что? Место оказалось занято? Тебя не взяли?

– Взяли. Я отработал полный рабочий день и ушёл.

– Что значит ушёл?

– Ушёл совсем, что тут непонятного? – был раздражённый

ответ.

– Послушай, Дима, если ты не хочешь говорить, расстроен, то так и скажи и я не буду из тебя вытаскивать клещами по слову!

– Ладно, не сердись, извини. Я не расстроен, я зол.

Яна не ответила, Дима тоже замолчал.

– Дима, обдумай ситуацию, приди в себя, потом расскажешь, сейчас ты не готов к разговору.

– Да что обдумывать? Мне противно! Какая-то соплячка, которая мне в дочки годится, надо мной начальница, делает мне замечание.

– Замечание по поводу чего?

– Какая разница? – он всё больше заводился.

– Или ты расскажешь толком, что произошло, или я кладу трубку!

– Извини. Я взбешён. Дело в том, что я пришёл на работу на полчаса раньше, сделал себе кофе и бутерброд с сыром, сел в комнате для работников и закурил. Тут приходит эта соплячка израильская и начинает меня отчитывать.

– Ты даже понял, что она сказала? – съязвила Яна.

– Понял, не дурак! Показал ей на часы, мол, мой рабочий день ещё не начался, а она стала орать. Ну, я оставил всё и ушёл.

– И считаешь, что поступил правильно?

– Конечно!

– О кей. – ответила Яна. – От желания кричать и понимания бесполезности этого крика на неё навалилась тяжёлая усталость, – ищи дальше.

– А ты бы как поступила?! – Диме явно надо было выплеснуть свою злость.

– Не важно, ты всё равно не поступишь, как я. К сожалению.

– Что, проглотила бы?

– Для начала я бы не повела себя так, чтобы кто бы то ни было посмел на меня кричать.

– Вот и я не дал.

– Ты начал свой первый рабочий день с кофе и сигареты.

– Ну и что? Я же пришёл пораньше!

– Уф! Ты не знаешь такого негласного правила, что в любое дело надо сперва вложить, а потом уже получить? Ещё ни гроша не заработал, а уже сел отдыхать.

– Вот из-за такого олимовского пресмыкания они нас и унижают!

– Дима, то, что ты называешь пресмыканием, на самом деле – обыкновенная дисциплинированность. А если даже и назвать это пресмыканием, то в твоём положении не грех и прогнуться.

Это был болезненный укол, но Яна разозлилась не на шутку.

– Не буду я ни перед кем прогибаться! Тем более, перед пацанкой какой-то!

– Ну ладно, продолжай гордо считать копейки и «стрелять» сигареты у прохожих, – Яна чувствовала, что сейчас они поссорятся окончательно.

– Ничего, не пропаду. Вот Рувену понравилась моя работа и он сказал, что поговорит с начальством, чтобы взять меня

к себе помощником.

– Дай Бог, – ответила Яна, – удачи.

– Я надеялся на твою поддержку, а ты...

– Я поддерживаю тебя в том, что ты ищешь работу, но начинаю сомневаться, что ты её найдёшь с таким отношением.

– Уже нашёл!

– Поговорим об этом, когда получишь первую зарплату.

– Эк!

Назавтра Дима не позвонил. Яну это не удивило и не огорчило. Она даже с облегчением подумала, что он всерьёз обиделся и больше звонить не будет, но до конкурса оставалась неделя. Яна вдруг вспомнила, что он познакомил её с дочкой на втором свидании. Зачем он сделал это так быстро? Яна могла бы оказаться недоброжелательной или безразличной к его ребёнку. Если он бережно относится к чувствительности дочери, то должен был сперва получше узнать Яну, а потом уж знакомить их. Её подкупила его любовь к Шемеш, его желание чаще с ней видеться, но при этом он ничего хорошего для неё не делает. Яна начала встречаться с ним в надежде, что именно любовь к девочке их и свяжет и отношения станут теплее, но при каждой встрече она видит либо его отстранённость, либо критичность по отношению к ней. Правда, рассказывая Яне о Шемеш, ему нравилось выслушивать её мнение и особенно он был доволен, если она поддерживала его несогласие с тем, как мама воспитывает дочку. Однажды, когда Дима отвёл Шемеш домой после прогулки, то спросил у Яны:

- Как ты считаешь, восьмилетняя девочка должна стесняться папу?
- В каком смысле?
- Ну, в самом прямом. Когда я прихожу, я застаю её голы-

шом, а сегодня, когда она открыла мне дверь, выходил сосед напротив, и она с ним поздоровалась, ничуть не застенчившись.

У Яны от удивления широко раскрылись глаза:

– А где была в это время мама?

– На кухне, пила кофе.

– Ты ей высказал своё мнение?

– Да.

– И что она?

– Спокойно ответила, что жарко, что Шемеш ещё маленькая и что у себя дома может ходить, как хочет.

– Кошмар! – ужаснулась Яна.

– Может, ты поговоришь об этом с Шемеш? Она к тебе прислушается.

– Ни в коем случае! Это должны делать родители. Я не имею права вмешиваться. Она потом расскажет о нашем разговоре маме и та больше не отпустит её ко мне.

– Да, я об этом не подумал. Как же быть?

– Я бы на твоём месте не оставила это без внимания. Ты должен несколько раз доверительно поговорить с ней об этом наедине.

– Я попробую.

Яна остановила воспоминания и попыталась понять, почему они сейчас возникли. От противоречивых чувств. Самообман затянулся. Дима её раздражал, его отношение к дочке её ранило, но она понимала, что бессильна что-либо

изменить в этой ситуации. Ещё она поняла, что, он познакомил её с Шемеш именно из расчёта, что Яна полюбит её. Удавка затягивалась, Яна задыхалась от этих отношений, но не решалась их порвать.

Ещё один день прошёл без его звонка. Яна решила пустить всё на самотёк, но взгляд упал на пакетик со сладостями, которые она каждый раз покупала для Шемеш и она почувствовала, что соскучилась за этим действительно солнечным ребёнком.

К концу следующего дня Дима позвонил и гордо заявил:

– Поздравь меня! Рувен договорился с начальником. У него с начала месяца увольняется помощник и он берёт меня на его место. И нам уже заплатили за прошлый ремонт.

– Отлично! Поздравляю! – Яна не столько обрадовалась этой новости, как тому, что он позвонил.

– Это ещё не всё! У нас есть несколько заказов на побелки. Живём!

– Здорово!

– А ты сомневалась! Можно, я сегодня приду?

– Я сегодня работаю допоздна, ты же знаешь.

– Скоро это кончится. Моя жена не должна работать за двоих!

Ей хотелось сказать: «Я и не заметила, когда ты на мне женился?», но вслух ответила:

– Твои бы слова, да Богу в уши! – и снова почувствовала отвращение к своей вынужденной дипломатичности.

– Я уже соскучился по тебе.

– Ну что ж, мы теперь оба – рабочие люди. Скучать будет некогда, а в пятницу снова увидимся, – утешила его Яна, – у солнышка всё в порядке?

– Да. Я сегодня забирал её со школы. Знаешь, что она меня спросила?

– Что?

– Будем ли мы с тобой делать хупу.

Голос Димы при этом был необыкновенно тёплый, а у Яны засосало под ложечкой от страха и горечи. Девчурка привыкает к ней, принимает её в свою жизнь и это вызвало не радость, а ужас. «Мы в ответе за тех, кого мы приручили».

– Ты что, говорил с ней о нас?

– Конечно! Она и сама о тебе всё время спрашивает и Рае рассказывает.

– Я думаю, это лишнее.

– Почему?

– Сомневаюсь, что бывшей жене приятно слышать восторги дочери по поводу твоей новой подруги.

– Ничего подобного! Рая сама мне говорила, что была бы рада, если бы у меня появилась женщина.

– Э, Дима, одно дело – сказать об этом, а совсем другое – выслушивать дифирамбы. Это не может не задевать её самолюбие, тем более, что она одна.

– Подозреваю, что и она не одна. Недавно, когда я к ним заходил, ей кто-то позвонил. Она взяла трубку и вышла в другую комнату, но я успел услышать мужской голос, да и она сама разговаривала с ним не так, как с сотрудником или начальником. Так что не волнуйся об этом. Я очень рад, что Шемеш тебя полюбила.

Яна сглотнула ком в горле и сказала:

– Поцелуй её от меня. Встретимся в пятницу.

Когда же в пятницу раздался звонок в дверь и Яна открыла, она обомлела: Дима был одет в красивый бежевый летний костюм, коричневые туфли, был особенно тщательно выбрит, пах недорогим, но довольно приятным одеколоном и держал в руках букет бордовых роз и бутылку шампанского. Костюм очень выгодно подчеркнул его красивую фигуру.

– О! Дима! Ты элегантен, как белый рояль! – искренне воскликнула Яна.

Гордый кавалер вручил ей букет, обнял её свободной рукой и поцеловал.

– Давай-ка я нарежу сыра и яблок, выпьем за твою новую работу.

Они зашли на кухню. Яна поставила букет в вазу (это были уже не дешёвые цветы из супермаркета, а шикарные розы, каждая размером с коньячную рюмку), вынула из холодильника сыр и яблоки и стала накрывать на стол, а Дима тем временем умело открыл шампанское, разлил по бокалам и они выпили, глядя друг другу в глаза. Обстановка была приятная, да и шампанское немного ударило в голову.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.